

ПРИМЕР ДЛЯ ПОЛИТИКОВ

Известия, — 1991, — 30 мая, — с. 7

показывают деятели театра разных стран

...БЛАГОДАРЯ усилиям мастеров из бергенской Национальной сцены гараж превращался в современный театральный зал. А подмостки, где еще не завершилось строительство декораций, уже напоминали пространство для греческой трагедии. В зале говорили по-норвежски, по-французски, по-английски и по-русски. Для советского журналиста было кое-что непривычное: например, на сцене Игорь Костоловский говорил по-французски, «звезда» швейцарского театра Мишель Кулла — по-норвежски, известный швейцарский режиссер Франсуа Роша делал замечания в глубине зала двум советским, одной американской, двум норвежским и двум швейцарским актрисам — по-английски. И здесь же шепотом меня по-русски вводила в курс дела шведка Улла Баклунд, режиссер-ассистент. Впрочем, мы с ней рассуждали не только о норвежских новостях, но и о театральных событиях в нашей стране — Улла только что вернулась из Омска. Кажется, она и привезла Игорю Костоловскому тот самый номер «Рабочей трибуны», которая со ссылкой на одесские источники опубликовала информацию о выезде в Израиль, в русскоязычный театр, большой группы советских артистов, среди которых был упомянут и Костоловский.

Вопрос вертелся на языке, и, едва дождавшись перерыва, я его задал артисту: «Рабочая трибуна» послала вас в Израиль, а вы — в Норвегии. Это что же — новость?»

Похоже, ответ был наготове.

— Куда меня только не посылали: в Израиль, в Америку, еще куда-то... Но, признаюсь, мне везло: я шел своей дорогой, и, несмотря ни на что, удавалось выбирать собственный путь. Не хочу ругать всю прессу — обо мне было сказано немало справедливого, плохого и хорошего, у меня много друзей среди журналистов. Но все-таки некоторые находят в угаре мало-хольно переживаемой свободы: ну, не судиться же с ними! Времени не хватает и так. В Норвегии я работаю вместе с моими товарищами как советский артист. Международный театральный центр «Весь мир» представляет нашу страну в международном проекте, где впервые, по-моему, собрались вместе актеры четырех стран: Норвегии, Швейцарии, США и Советского Союза. Под руководством швейцарского режиссера Франсуа Роша, который был руководителем ряда женевских театров, включая Женевскую оперу, а недав-

но поставил с большим успехом весь вагнеровский оперный цикл «Кольцо Нибелунгов» в США, мы релетивируем четыре пьесы Эсхила под общим названием «Орестея» — в основе лежит знаменитый миф об Агамемноне, Клитемнестре, Электре, Оресте и Эгисфе. Мы готовим две версии спектакля — одну по-французски, другую — по-норвежски. Релетивии для удобства всех участников ведутся по-английски. Но недавно режиссер предложил мне включить в текст двух моих ролей — Аполлона и Героя — по одному монологу на русском языке. Релетивировать необычайно трудно, но и очень интересно — простите за столь банальную фразу, но она выражает истинный смысл моих ощущений. Я очень благодарен руководству Театра имени Маяковского, где я работаю и буду работать, что они предоставили мне возможность принять участие в этом спектакле: думаю, что подобный опыт очень полезен для любого артиста. А что касается временной разлуки с родным театром, — ну, уезжают же актеры на съемки, в конце концов... К тому же в октябре, после гастролей в Норвегии и Швейцарии, мы покажем эту необычную работу в Москве.

После этих слов Франсуа Роша постучал по дереву, — словом, все, как в театре всех времен и народов, — и включился в разговор: «Создание международной труппы для «Орестеи» — не дань моде. Это желание разрушить духовный провинциализм таких стран, как Швейцария и Норвегия, внутреннюю жизнь которых я хорошо знаю. Желание разрушить ощущение, что мы единственные в этом мире, что нам никто больше и не нужен. И я счастлив, что мог связать свою судьбу с людьми, обладающими другим опытом, — это, конечно, сделало нашу жизнь сложнее, но и значительно интереснее. Нам трудно, потому что мне больше всего хочется извлечь скрытый смысл из великих слов Эсхила, заставить звучать поэзию значений, которую нередко скрывают в бессловесной пластике. Как последник между публикой и гением античного театра я просто обязан это сделать. Здесь важно все — и смысл слов, и их ритм, и красота созвучий. Нужно, чтобы все занятое в нашей работе почувствовали и выразили это — равно и на французском, и на норвежском языке. Равно прекрасно. Это вовсе не блажь режиссера-диктатора. В этом — одна из важнейших идей моей постановки. Нам, жителям Мем-

ли, во всяком случае жителям Европы, необходимо понять, почувствовать, пережить, что мы дети единой мифологии, единого логоса, ноосферы, несмотря на то, что мы говорим сегодня на разных языках. И в этом смысле наша «Орестея» — прекрасный пример для политиков, хотя мы не думали о том, чтобы учить кого-то. Нам бы в себе разобраться... Но, замечу, «Орестея» — это современная пьеса, очень современная. Например, Хор выглядит как все современное человечество, которое благодаря телевизионному обрело ужасную способность рационально комментировать происходящее, — будь то трагедия в Чернобыле или война в Персидском заливе. Этот феномен интересует нас не меньше, чем происходящее с героями; поэтому Хор, его текст, его позиция играет для нас такую важную роль. Он связывает нас с публикой, помогает разобраться в весьма сложных вещах... Я очень рад, что мне выпало счастье работать с актерами разных стран, с советскими артистами, в том числе, — это тяжелая, но очень счастливая пора релетивии: о результате советские зрители будут судить в октябре. Очень хотим поехать в вашу страну...»

— Первый результат будет понятен в Норвегии — «Орестея» завершит Бергенский международный фестиваль искусств в начале июня, — сказал Том Ремлов, художественный руководитель бергенской Национальной сцены, один из ко-продюсеров проекта, участвующий в нем к тому же в качестве заглита и актера. — Надеюсь, что он будет успешным. Мне это тоже важно как руководителю бергенской Национальной сцены — это расширит горизонты деятельности нашего театра. Подобные проекты — важная возможность завязывать новые контакты и пробовать себя в новых обстоятельствах. Мы давно знакомы с Франсуа Роша, давно думали о подобном проекте. Окончательно решили на него в конце июня прошлого года, когда советские актеры прошли месячные испытания — других мы знали прежде. И ни о чем не жалеем. Все высокие слова кажутся банальными, но для всех нас «Орестея» — не просто постановка очередного спектакля, мы ощутили глубинную причастность к прошлому, настоящему человечества. И, быть может, в нашей работе есть крупницы грядущего.

М. ШВЫДКОЙ.

БЕРГЕН — МОСКВА.